О.В. ПОСПЕЛОВА
(Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия)

УДК 821.161.1-1(Клюев Н. А.)»19»
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,445

«СКИФСКИЕ» И «ХЛЫСТОВСКИЕ» ИСТОКИ ОБРАЗА-СИМВОЛА «БЕЛАЯ ИНДИЯ» В ПОЭЗИИ Н.А. КЛЮЕВА

Аннотация: В статье рассматриваются «скифские» и «хлыстовские» истоки феномена Белой Индии в поэзии Н. Клюева, ведущие к пониманию символа-образа как идеальной модели мира, выстраиваемой на религиозных и эстетических основаниях. В рамках «скифской проблематики» показан творческий диалог Н.Клюева и А.Белого о природе и бытии поэтического слова.

Ключевые слова: «скифство», «хлыстовство», Белая Индия, полигенетизм, бытие поэтического слова

Образ «Руси-Индии», «нашей Индии», «Белой Индии» неоднократно возникает в поэзии Николая Клюева разных лет, но его ключевая позиция особенно заметна в произведениях 1916–1920 гг.: *«Домик Петра Великого…» (1920 г.)*, *«Оттого в глазах моих просинь…» (1916)*, *«Печные прибои пьянящи и гулки…» (ок. 1916-1918)*, *«Вылез тулуп из чулана» (между 1916 и 1918 гг.)*, *«О ели, родимые ели…» (между 1916 и 1918 гг.)*, мини-поэма *«Белая Индия» (между 1916 и 1918 гг.)* и другие [Клюев 1999].

Содержательная наполненность «Белой Индии» настолько глубока и символична, а природа неоднозначна, что это позволяет исследователям предлагать разные интерпретации данного феномена. Так, в Белой Индии усматривают революционную подоплеку (К.С. Львова), отражение концепции евразийства (В.А. Доманский), фольклорный былинный образ «Индеюшки богатой» (В.Г. Базанов), сказочно-мифическое Беловодье (В.Г. Базанов), Град-Китеж (С.В. Бурдина, Н.А. Криничная), «избяной космос» (С. Ларионова, Л.К. Шевцова), аналог космического порядка, Мирового Ритма, Высшей Мудрости (С.Г. Ситько), страну поэзии, поэта, подлинного Слова (Е. Семенова), выражение сектантского – хлыстовского, скопческого мировоззрения (А.М. Эткинд, Н.М. Солнцева), реальный

факт исторической географии (Н.С. Новогородов), аналог русских северных монастырей (Ю.Ю. Будникова).

«Белая Индия» предстает сложным мифопоэтическим образом, синтезирующим в себе разные культурные и духовные традиции: христианские, еретические (хлыстовские), языческие, ведические (индуистские). Полигенетизм символа может быть объяснен как духовными исканиями самого Клюева, опирающегося на народную культуру, неортодоксальное христианство, индийский мистицизм, так и общими тенденциями эпохи, творческими поисками художников Серебряного века, ориентированных на синкретизм искусств, синтез западных и восточных культур, религиозный мистицизм, оккультизм, теософию и антропософию.

Среди истоков образа «Белой Индии» следует особо выделить *«хлыстовство»* и *«скифство»* как религиозно-мистическое и идейно-эстетическое «течения», во многом определившие поэтическое мировоззрение Клюева.

Николай Клюев был участником литературного объединения «Скифы», два альманаха которого были изданы в 1917 и 1918 годах. В первом из них опубликован цикл стихов поэта «Земля и железо» (1916), включающий в себя такие стихотворения, как «Есть горькая супесь, глухой чернозем…», «У розвальней – норов, в телеге же – ум…», «Звук ангелу собрат, бесплотному лучу…», «Где пахнет кумачом – там бабьи посиделки…», «Оттого в глазах моих просинь…». Примечательно, что именно в данном цикле впервые упоминается «индийская земля», а в стихотворении «Оттого в глазах моих просинь…» впервые возникает образ «Белой Индии» как страны, «преисполненной тайн и чудес».

Включенность данного цикла в «скифский» сборник неслучайна. Многие его мотивы так или иначе связаны со «скифской» тематикой, которая в самом широком смысле может быть определена как приход на смену старому миру мира нового, на смену мещанина, обывателя – вольного, смелого, «пламенного» скифа, бесстрашно рушащего старые формы во имя созидания мира будущего.

Так, в цикле «Земля и железо» отчетливы мотивы «скифской» вольницы, дальнего пути *(«В кручине по крыльям, пригожих лицом Мы «соколом ясным» и «павой» зовем. Узнайте-же ныне: на кровле конек Есть знак молчаливый, что путь наш далек»* [Клюев 1999: 293-294]), скифская «пламенность» и связь с землей (*«Мы внуки земли и огню родичи, Нам радостны зори и пламя свечи, Язвит нас железо, одежд чернота, – И в памяти нашей лишь радуг цвета»* [Клюев 1999: 293]),

мотивы «конца мира» и его нового творения *(«Сметутся народы, иссякнут моря, Но будет шелками расшита заря, – То девушки наши, в поминок векам, Расстелют ширинки по райским лугам»* [Клюев 1999: 294]). При этом надо отметить, что для Клюева, как выразителя крестьянских дум и чаяний, преображение мира связывается прежде всего с возрождением «избяной Руси», освященной светом истинной религии (*«Изба – колесница, колеса – углы, Слетят серафимы из облачной мглы, И Русь избяная – несметный обоз! – Вспарит на распутья взывающих гроз...»* [Клюев 1999: 294]). Именно «избяной Руси» и избе как крестьянскому микрокосму, в центре которого «мужицкие Веды», уготовано стать «раем» на новой земле. В этом проявляется отличное от других представителей «скифской» группы понимание Клюевым революции, которая не мыслится им без возвращения к национальным культурным истокам, патриархальному миру крестьянской Руси, где в чистоте и первозданности хранится поэтическое и духовное слово.

Как отмечает Е. Семенова, именно «в рамках проблематики «скифского» кружка» находят выражение представления об «истинном Слове» как «носителе Высшей мудрости» и «залоге грядущего преображения» [Семенова 2003: 232]. Исследовательница указывает на так называемый «скрытый диалог» Андрея Белого и Николая Клюева о «живом» поэтическом слове, воплощенном в двух образах-символах: «Жезле Аарона» (у Белого) и «Белой Индии» (у Клюева).

В статье 1919 года «Порванный невод» Клюев так поясняет свое представление о «Белой Индии»: «Иконописные миры, где живет последний трепет серафимских воскрылий, волок, преодолев который, человек становится космическим существом и надмирным гражданином, внутренний гром слова – былинного, мысленного, моленного, заклинательного, радельного и еще особого человеческого состояния, которое мужики-хлысты зовут Рожеством ангелов – вот тайные, незримые для гордых взоров вехи, ведущие Россию – в Белую Индию, в страну высочайшего и сейчас немыслимого духовного могущества и духовной культуры» [Клюев 2003: 146-147]. Таким образом, Белая Индия у Клюева – это страна, прежде всего, «духовного» будущего, ключевое место в котором занимает «внутренний гром слова», связанного и с «иконописными мирами», и с преодолением пространственных и временных границ, когда «человек становится космическим существом и надмирным гражданином».

В поэтическом трактате Андрея Белого «Жезл Аарона (О Слове в поэзии)», опубликованном в первом сборнике «Скифы» (1917), речь

также идет о Слове как носителе природной мудрости: «…в слове явлена нам духовность *природы сознания*; в слове явлена нам *природа духа* в законе; слово-корень – закон жизни духа в природе; и выраженье закона – цветущая мифом метафора» [Белый 2006, 383].

Следует отметить, что в поэтических концепциях обоих художников истинное, «живое» слово неизменно связывается с «древом» и «корнем», то есть с природным, естественным началом жизни. Сам «жезл Аарона» – это поэтическая метафора чудесного преображения слова, его «расцветание» новыми смыслами, перспектива «прорастания» «третьего смысла» слова – «смысла звука-мысли». «Белая Индия» тоже связывается со «словесным древом», «певчим светом»:

Певчим светом алмазно заиндивел
Надо мной *древословный* навес,
И страна моя, Белая Индия,
Преисполнена тайн и чудес! [Клюев 1999: 298]

Можно отметить некоторые параллели между текстами Белого и Клюева, входящими в «скифский» сборник. Так, выражение «словесное дерево» появляется в клюевском стихотворении «Оттого в глазах моих просинь»:

О, бездушное книжное мелево,
Ворон ты, я же тундровый гусь!
Осеняет *Словесное дерево*
Избяную, дремучую Русь! [Клюев 1999: 298]

Так же назван один из разделов трактата Белого, в котором поэтический организм сопоставляется с организмом дерева и соответственно поэтические категории определяются через соотнесение их с теми или иными «древесными частями»: «Слово – цельное дерево: и листья (идеи) и корни (певучие звуки) суть часть многочастности»; «Собственно содержанье и форма – не *кора с древесиною*, а невидимые обыкновенному оку многолистая словесная крона и словесное корневище» [Белый 2006: 412]. При этом, рассуждая о «первоначальном Слове, рожденном в Боге», Белый в качестве примера поэзии «звуковой гармонии», поэзии, в которой «звук-мысль», «слово-мысль» сливаются воедино и рождают «слово жизни», цитирует Клюева:

Но древний рыбарь-сон, чтоб лову не скудеть,
В затоне тишины созвучьям ставит сеть [Белый 2006: 403].

Сходны взгляды Белого и Клюева на «одухотворяющую» и «одушевляющую» природу слова. Так, Белая Индия у Клюева – это мир, который создается Словом (причем не только христианским, но и языческим, ведическим) и затем служит «хранилищем» для него. В клюевской интерпретации Евангелия Бог, теряя Слово («ладанку», «талисман»), невольно дарует его Земле («нашла потеряшку и в косу вплела…» [Клюев 1999: 307]). Отсюда в Белой Индии все живет по закону Слова, несущего на себе отпечаток божественной мудрости. Слово и Звук ритуализируют обыденность, одухотворяют крестьянскую бытовую утварь, пространство крестьянской избы. Сходную жизнестроительную концепцию слова наблюдаем и у Белого: «Данный мир – недействителен; опознание в слове его есть *впервые* созданье действительности» <…> Одушевление данного мира в творимой действительности невозможно вне слова <…> Первоначальное слово мифично» [Белый 2006: 379].

Однако есть и существенное концептуальное различие во взглядах поэтов на «бытие» поэтического слова. Так, А. Белый полагает, что слово ныне «разбито», «смысл логический, смысл живой, здравый смысл в нашем слове разъяты»: «Наша речь напоминает сухие, трескучие жерди; отломанные от древа поэзии, превратились они в палочные удары сентенций; наше слово есть жезл, не процветший цветами; оно было мудрою и живою змеей; но змея умерла» [Белый 2006: 377]. В противоположность этому Клюев утверждает, что есть среда, где слово сохранилось во всей своей чистоте и первозданной мудрости, поэтичности, «живом» слоге, – это русское крестьянство: «Под игом татарского ясака, кровавой кобылы Биронов и Салтычих, человекодавов и неусыпающего червя из александровских «третьих отделений», народ пронес неугасимым чисточетверговый огонек красоты, незримую для гордых взоров *свою индийскую культуру*: великий покой египетского саркофага, кедровый аромат халдейской курильницы, глубочайшие цветовые ощущения, претворение воздушных сфер при звуке в плод, неодолимую силу колыбельной песни и тот мед внутренний, вкусив которого просветлялись Толстые, и Петры Великие повелевали <…> Тайная культура народа, о которой на высоте своей учености и не подозревает наше так называемое общество, не перестает излучаться и до сего часа» [Клюев 2003: 143-144].

Так на страницах «скифского» альманаха осуществляется творческий диалог между Белым и Клюевым о слове истинном, слове будущего, то есть преобразовании мира на духовных основаниях.

Не менее значимым истоком феномена «Белой Индии» явилось хлыстовство. «Рождение» Белой Индии Клюев связывает с особым религиозно-экстатическим состоянием, которое в среде хлыстов было названо «Рожеством ангелов». Общеизвестно, что в ранней юности Николай Клюев был тесно связан с духовными братствами хлыстов и скопцов, ритуальные практики которых были ориентированы не только на неортодоксальное христианство, но и на восточные культы, в частности на индуистский культ бога Вишну. Соединяя индуизм с неортодоксальным христианским учением, хлысты создавали своего рода синтетичную и открытую веру, не чуждую разных влияний. Так, А.А. Панченко приводит следующую цитату из работы Н.И. Барсова: «… вообще учение хлыстов об их христах на христианской почве не находит ничего себе родственного или аналогического. <…> Единственное учение, которое представляет черты сходства с хлыстовским мифом об их христах, – это индийское учение о многократных воплощениях Вишну» [Панченко 2004: 10]. Как отмечает Н.Р. Гусева, «Вишну издревле считается самым «демократичным» божеством, своего рода «богом для всех», что и явствует из его имени, в которое входит частица «в и ш» – «весь (народ)» [Гусева 1997: 69].

Н.Р. Гусева пишет также о явном доказательстве того, что «индийская» вера не была чужда хлыстам, – об их так называемой «индийской песне», «смысла которой никто не доискивался, принимая ее непонятность за Божью данность» [Гусева 1997: 68]. Текст этой песни звучит так:

Савишран само
Капиласта гандря
Дараната шантра
Сункара пуруша
Моя дева Луша.

Н.Р. Гусева, будучи профессиональным индологом, расшифровала смысл непонятной песни, которая оказалась не чем иным, как «гимном индусскому богу Вишну, фонетически и грамматически искаженному в изложении хлыстов» [Гусева 1997: 68]. Приведем и этот перевод:

О ты, Всеравный, Одаривающий,
Пребывающий в солнце (в душе солнца, или: «душа солнца»)

Умиротворенный Владелец раковины,
Творящий добро (несущий счастье) человеку,
Чудо, светящее с небес.

Как такой древний гимн попал к хлыстам, остается загадкой. Возможно, как пишет Гусева, «через сектантов из среды купцов, которые вели торговые операции в Астрахани и ниже по Каспийскому морю – в Азербайджане и Персии. Здесь они не раз встречались с индийскими торговцами <…> и могли слышать, да и не раз, их молитвенные обращения к богу солнца и правды – Вишну» [Гусева 1997: 69].

Возможно, что секта хлыстов и была тем источником, который знакомил Клюева с Индией и ее религиозным культом. Отсюда и образ Руси-Индии, Белой Индии может быть объяснен через сопоставление с духовными поисками названных религиозных братств.

Таким образом, можно говорить о «скифской» и «хлыстовской» основе Белой Индии в творчестве Клюева. В рамках скифства Белая Индия выступает моделью нового мира, решающую и главенствующую роль в котором получает Слово как аналог духовной свободы и творческой правды. В рамках хлыстовства Белая Индия – творение мира новой веры, основанной на религиозном синтетизме и открытости духовных границ, что в целом соответствует «скифским» исканиям: открыть новый путь к «настоящему освобождению человечества».

ЛИТЕРАТУРА

Белый Андрей Жезл Аарона (О Слове в поэзии) // Семиотика и Авангард: Антология / Ред.-сост. Ю.С. Степанов, Н.А. Фатеева, В.В. Фещенко, Н.С. Сироткин. Под общ. ред. Ю.С. Степанова. – М.: Академический Проект; Культура, 2006. – С. 376-416.

Гусева Н.Р. «Индийская песня» хлыстов // Родина. – 1997. – № 11. – С. 67-69.

Клюев Н.А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Предисловие Н.Н. Скатова, вступительная статья А.И. Михайлова; составление, подготовка текста и примечания В.П. Гарнина. СПб.: РХГИ, 1999. 1072 с.

Клюев Н.А. Словесное древо. Проза / Вступ. статья А.И. Михайлова; сост., подготовка текста и примеч. В.П. Гарнина. – СПб.: ООО «Издательство «Росток», 2003. – 688 с.

Панченко А.А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. – 2-е изд. – М.: ОГИ, 2004. – 541 с.

Семенова Е. «Страна моя, Белая Индия». Творчество Н. Клюева в 1916–1919 гг. // Образ рая: от мифа к утопии.– СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. – С. 230-232. – (Серия “Symposium”. Вып. 31).

Статья рекомендована к.ф.н., доц. О.А. Скриповой